

DOI 10.54596/2958-0048-2024-3-188-198

УДК 82.091.06

МРНТИ 17.09.91

РОЛЬ МОТИВА ЛЮБВИ В СЮЖЕТАХ КАЗАХСТАНСКИХ ПРЕДАНИЙ

Леонтьева А.Ю.^{1*}, Агибаева С.С.¹

^{1*} НАО «Северо-Казахстанский университет имени Манаша Козыбаева»

Петропавловск, Казахстан

*Автор для корреспонденции: aleontieva13@mail.ru

Аннотация

Целью статьи является анализ любовного мотива в организации сюжетов казахстанских преданий и систематизация произведений по степени его выраженности и сюжетообразующей функции. На примере восьми текстов выделяются предания с рудиментарным и развёрнутым любовным мотивом, определяется специфика любовного конфликта и его оценка в устной прозе. Раскрывается общенародная система ценностей. Делается вывод об интеграции межэтнической коммуникации в несказочной прозе, жанровом и содержательном своеобразии современных казахстанских преданий.

Ключевые слова: диалог культур и языков, классификация преданий, любовный мотив, мифологические традиции, народная этимология, региональный фольклор, сюжетные модели.

ҚАЗАҚ АҢЫЗДАРЫНЫҢ СЮЖЕТТЕРІНДЕГІ МАХАББАТ МОТИВІНІҢ РӨЛІ

Леонтьева А.Ю.^{1*}, Агибаева С.С.¹

^{1*} «Манаш Қозыбаев атындағы Солтүстік Қазақстан университеті» КеАҚ

Петропавл, Қазақстан

*Хат-хабар үшін автор: aleontieva13@mail.ru

Аңдатпа

Мақаланың мақсаты – қазақ аңыздарының сюжеттерін ұйымдастырудағы махаббат мотивін талдау және шығармаларды оның көрініс беру дәрежесі мен сюжеттік қызметіне қарай жүйелеу. Сегіз мәтіннің мысалында рудиментарлық және кеңейтілген махаббат мотивтері бар аңыздар бөлініп көрсетіледі, махаббаттық конфликтінің ерекшеліктері мен оның ауызша прозадағы бағасы анықталады. Жалпыұлттық құндылықтар жүйесі ашылады. Қазақтың қазіргі кездегі аңыздарының жанрлық және мазмұндық айрықшалықтарында ұлтаралық коммуникацияның интеграциясы туралы қорытынды жасалады.

Кілт сөздер: мәдениеттер мен тілдердің диалогы, аңыздардың жіктелуі, махаббат мотиві, мифологиялық дәстүрлер, халықтық этимология, өңірлік фольклор, сюжеттік модельдер.

A CASE STUDY ON LOVE MOTIF OF THE KAZAKH HISTORICAL LEGENDS

Leontyeva A.Yu.^{1*}, Agibayeva S.S.¹

^{1*} Manash Kozybayev North Kazakhstan University NPLC, Petropavlovsk, Kazakhstan

*Corresponding author: aleontieva13@mail.ru

Abstract

The purpose of the article is to analyze the functions of love motif in the plot structure of Kazakh legends and systematize the texts according to the degree of its expression and plot-forming function. Using eight texts as an example, historical legends with a rudimentary and expanded love theme are separated, the specificity of a romance conflict and its role in oral narrative are defined. The national system of values is described. A conclusion is made about the integration of interethnic communication in historical legends, genre and content originality of modern Kazakh legends.

Keywords: intercultural dialogue, classification of legends, love motif, mythological traditions, folk etymology, regional folklore, plot, conflict.

Введение

Современная отечественная фольклористика активно обращается к изучению несказочной прозы в аспекте тесного взаимодействия и взаимовлияния культур, языков и традиций. А.Д. Цветкова называет данный процесс аккультурацией [1; 46]. Мы полагаем, что значимый показатель аккультурации в преданиях – мотив любви, связанный с историческими, родовыми и социальными конфликтами. Он повторяется в ряде сюжетов, записанных в последние годы, присутствует в разных видах преданий: историческом, топонимическом, ландшафтологическом. Диалог культур и языков, имманентный современному бытованию регионального фольклора, определяет актуальность исследования.

Научная новизна обусловлена выявлением роли мотива любви в преданиях. Он выполняет различные функции при формировании сюжетов. В некоторых преданиях отношения мужчины и женщины играют вспомогательную роль, в некоторых – сюжетообразующую. Поэтому цель исследования – определить функцию любовного мотива, систематизировать предания по степени его развёрнутости.

Предмет исследования – своеобразие мотива любви, его роли в сюжетах современных преданиях. Объект исследования – типологические разновидности преданий с любовным мотивом, чьи тексты внедряются в учебно-научный процесс. Исследование межэтнического взаимодействия способствует воспитанию и формированию толерантности, уважения к наследию единого народа Казахстана.

Методы исследования

Для достижения поставленной цели используются методы компаративного, типологического, системного, мотивного, аксиологического, мифогенетического и этнолингвистического анализа.

Компаративистика при сопоставлении сюжетов проясняет динамику мотива любви. Типологический анализ позволяет увидеть взаимовлияние жанровых разновидностей преданий. Системный метод помогает классифицировать собранные тексты. Мотивный анализ раскрывает значение любви на уровне сюжетосложения, аксиологии и конфликта. Оценка любви и любовного конфликта с наибольшей полнотой раскрывает народную систему ценностей и картину мира. Мифогенетический метод выявляет традиции мифологического сознания, формы древнего мировоззрения, присутствующие в конкретных сюжетах, связь с мировой мифологической и литературной традицией. Этнолингвистический анализ раскрывает диалог языков, усвоение русскоязычными носителями фольклора понятий, образов, онимов, собственных казахской культуре.

Дискуссия

Сложность и дискуссионность дифференциации преданий, легенд и этиологических сказаний проявляется в объединении терминов отечественной и западной фольклористики - аңыз и legend для легенд и преданий. Наша позиция несогласия с неоправданным расширением терминологической семантики и чёткого разграничения жанров несказочной прозы остаётся неизменной [2; 199-201]. Жанровыми идентификаторами становятся генезис, природа фантастики, установка на религиозное чудо, функция текста [3; 67-68]. Жанр казахстанских преданий мы понимаем традиционно – это повествования с установкой на достоверность «о важных событиях, имевших место в прошлом, о видных деятелях, живших раньше, и об отдельных местностях и населённых пунктах» и природных объектах. С.А. Қаскабасов убедительно перечисляет типологические признаки жанра: имя исторического персонажа, конкретная

местность, время года, изложение только от третьего лица в прошедшем времени, факт, составляющий ядро сюжета [4; 322-323]. С.А. Қасқабасов отмечает, что характер фольклора обусловлен жизнью и бытом каждого народа, особенностями его общественного и культурного развития. По этой причине прозаические жанры русского и казахского фольклора не совпадают в семантическом и терминологическом аспектах.

Вопрос о жанровой характеристике казахских преданий имеет относительно долгую историю изучения в российской и казахстанской науке. Казахские предания рассматривают Ч. Валиханов, М.О. Ауэзов, А.Х. Маргулан, Н.С. Смирнова, Н. Турекулов, О. Жанайдаров и многие другие. Предания казахского народа упоминаются в трудах дореволюционных исследователей-этнографов М.Н. Галкина, Н.Я. Коншина, М. Красовского, И.М. Казанцева. Историк-востоковед Н.А. Аристов подчёркивает исключительную ценность «народных обычаев и преданий» вкупе с именами, «тамгами и уранами» для кочевников [5; 392].

О святости древних преданий, связанных с памятью рода и заключённой в них генеалогической и юридической информацией, неоднократно упоминает Ч. Валиханов. Просветитель и учёный, Ч. Валиханов восхищается тем фактом, что древние предания, поверья и «стихотворные саги» передаются в народе с тщательным вниманием к деталям и при сличении оказываются практически тождественными [6; 391].

Однако, поскольку под понятием «аңыз» чаще всего подразумеваются все три жанра: миф, легенда и предание, - вопрос о дифференциации и определении жанровых границ по-прежнему актуален. Махсат Алпысбес, автор монографии «Шежире казахов: источники и традиции», свидетельствует об обнаруженной им тетради А.Х. Маргулана. Тетрадь содержит 25 исторических преданий из «Киргизской степной газеты», описанных, систематизированных и распределённых А.Х. Маргуланом. Учёный выделяет следующие группы текстов: истории, исторические сюжеты, бытовые сюжеты, историко-бытовые сюжеты, историко-фантастические сюжеты, бытовые сюжеты, бытовые, топонимические предания, сюжеты звериного цикла; сказочные сюжеты и др. [7; 64-65]. М. Алпысбес также отмечает продуманность подхода М.О. Ауэзова к терминологии. Кроме термина «аңыз» (легенда), М.О. Ауэзов использует понятия «аңыз-ертегілер» (легендарные сказки) и «ертегі-аңыз» (сказка-легенда). Поскольку этимология слова «ертегі» в казахском языке включает временное значение («раннее», «былое»), то термин «ертегі-аңыз» М. Алпысбес интерпретирует как «предание о былом», «легенда из древности» или «мифическая старина», отказываясь от прямого перевода [7; 91]. Ссылаясь на более поздние исследования, автор утверждает необходимость исследования подлинных основ фольклорных жанров, обозначаемых на настоящий момент довольно условно. Многие сказки в ходе такого исследования могут оказаться историческими преданиями со сказочными/фантастическими элементами, а герои сказок – историческими фигурами [7; 92].

Дискуссионной является и проблема народной этимологии жанра. Исполнители атрибутируют жанры своих рассказов как легенды, потому что легенда в общественном сознании часто сопрягается с чудесами, фантастикой, давно прошедшими временами и событиями, которым нет места в современности. Однако не учитывается природа чудесного как отражения языческого мифологического сознания. Иногда исполнитель использует определение «сказ», скорее всего – как синоним сказания или стиливого приёма. Мы сохраняем названия, данные исполнителями, упоминаем их определения жанра, но комментируем типологию представленного сюжета.

В анализируемых текстах представлены факты, местность, часто указывается время событий, иногда называются имена, повествования организованы как фабулаты. Фантастика служит объяснению реальности, региональные предания испытывают влияние казахской мифологии, поэтому в некоторых текстах формы древнего мировоззрения явно присутствуют как мотивация появления природных объектов в результате превращения героя или героини/героинь в берёзы, озеро, родник.

Результаты исследования

Предания с любовным мотивом имманентны региональному фольклору, но встречаются нерегулярно. Например, в 2021 году из 16-ти записанных преданий только в 2-х сюжетах используется рудиментарный мотив любви [2; 202, 210]. Записи 2022-2023 годов богаче на предания с любовной составляющей. На материале 8-ми сюжетов выделяются две равные по количеству текстов группы. Первая группа включает сюжеты, в которых мотив любви не разрабатывается, а служит одним из аргументов объяснения событий. В группе с рудиментарным мотивом любви 4 сюжета.

Предание об Архистратиге-Михайловском женском монастыре*

Монастырь находится близ села Пресноредуть Жамбылского района. Это был крупный женский монастырь с хорошо организованным и налаженным хозяйством. На его территории располагалось множество строений. Среди них дома с кельями, ткацкая и иконописная мастерские, гостиница для паломников.

Так как монашкам были запрещены любые связи с мужчинами, то те, кто нарушали правила и беременели, уходили под монастырь, в туннель. В туннеле рожали детей и оставляли их там. Детей забирали жители села Пресноредуть и воспитывали их. Впоследствии монашки уходили в туннель, ставили свечи за этих детей и иконы. После закрытия монастыря вход в туннель исчез, вместе с туннелем исчезли и иконы, которые сейчас стоят больших денег и несут огромное значение для истории. И вот уже 40 лет никто не может найти входа в туннель.

*Запись произведена 1 октября 2022 года Асылтасовой Мадиной Сагындыковной, студенткой специальности «Русский язык и литература» (РЛ-21) Северо-Казахстанского университета им. Манаша Козыбаева, в городе Пресновке в традиционном формате. Исполнитель: Асылтасова Наталья. Возраст – 49 лет. Образование высшее. Является работником отдела образования. Место жительства - город Пресновка.

Историческое предание о судьбе монастыря включает и указание на время (более 40 лет поисков), на местность (село Пресноредуть Жамбылского района Северо-Казахстанской области), конкретный монастырь. Любовный мотив предстаёт как физиологические потребности монахинь, тайком рождающих детей под монастырём. Его периферийная функция в сюжете обусловлена отсутствием имён собственных, истории взаимоотношений невест Христовых с мужчинами, их чувств, встреч. Форма множественного числа (монашки, мужчины) акцентирует частотность и массовость нарушения заповедей. Тайные беременности, роды в туннеле, дальнейшее устройство детей в семьи местных жителей вызывают ассоциации и с антиклерикальными сказками, и с новеллами эпохи Возрождения.

Топонимическое предание о происхождении названия села Чаглы (каз. Шағалалы) Аккайынского района Северо-Казахстанской области включает периферийный любовный мотив как одно из доказательств мудрости Чаглы-ата. Благодарный жених способствует основанию поселения, которое сегодня определяется как село, но в повествовании называется деревней.

Предание о деревне Чаглы*

Помимо официальной версии происхождения деревни Чаглы, существуют также различные народные легенды. Одна из таких легенд гласит, что в древние времена на месте деревни Чаглы жил мудрый старец по имени Чаглы-ата. Он был известен своими знаниями и мудростью, и к нему приходили за советом люди со всех окрестных деревень. Однажды в деревню пришел молодой человек, который искал совета по поводу своей любви к девушке из другой деревни. Чаглы-ата помог ему советом, и молодой человек смог завоевать сердце своей возлюбленной. В благодарность за помощь юноша решил построить на месте хижины Чаглы-ата большой дом, где люди могли бы собираться и обсуждать свои проблемы. Так, согласно легенде, была основана деревня Чаглы и её название происходит от имени мудреца Чаглы-ата.

**Запись произведена 27 октября 2023 года Игнатенко Ксенией Николаевной, студенткой специальности «Русский язык и литература» (РЛ-22-1) Северо-Казахстанского университета им. М. Козыбаева, в селе Чаглы. Информант – Филиппенко Светлана, русская, 1963 года рождения, жительница села Чаглы Аккайынского района Северо-Казахстанской области, родная бабушка собирателя.*

Исполнитель позиционирует свой рассказ как легенду, причём термин вводится и в текст. Однако мотив религиозного чуда отсутствует. И вновь, как это свойственно преданию, называется имя мудреца и указывается реальное пространство.

Следующие два сюжета широко бытуют в устном народном творчестве казахстанцев; их фольклорная основа подтверждается распространённостью и вариативностью. Предания о танцующих берёзах зафиксированы независимо друг от друга двумя собирателями. Популярность предания определяется несколькими факторами. Во-первых, берёза относится к тотемным деревьям, а на горе с четырьмя берёзами издревле проводится ритуал «воссоздания мира» [8; 255]. Во-вторых, фантастика помогает объяснить необычную форму стволов. В-третьих, чудесная роща становится достопримечательностью национального парка.

Природное предание о танцующих берёзах в Боровом*

Когда-то у подножия гор жил народ. На лужайке у Серебряного озера любили люди устраивать различные празднования, где собирались для танцев, песен и различных игр, также исполняли кюи. В разгар праздника на лужайке появлялись самые красивые девушки и исполняли свои лучшие танцы. Однажды на этом празднике захотелось побывать местному хану. Чтобы не напугать людей, он переоделся в одежду крестьянина. Увидев на поляне танцующих красавиц в белых одеяниях, хан пришёл в восторг и выразил его при всех. Девушки узнали своего хана, испугались и так и застыли в положении танцующих берёз.

**Запись произведена 27 октября 2023 года в городе Петропавловске посредством живого общения Беловой Марией Николаевной, студенткой специальности «Русский язык и литература» (РЛ-22-1) Северо-Казахстанского университета им. М. Козыбаева. Информант – Белова Галина Леонидовна, 1968 года рождения, образование среднее специальное – медицинская сестра.*

Интеграция и свободное усвоение казахской народной культуры современным русским населением подтверждается тем, что исполнитель и собиратель оперируют культурными знаками в описании праздников, тюркизмами, упоминая исполнение кюев. В первом сюжете называется не только Боровое, но и озеро Серебряное. Второй сюжет отличается лаконизмом. Но оба предания включают мотив переодевания правителя, восходящий к древним мировым традициям Востока и России.

О роще танцующих берёз, которая находится в Боровом*

В национальном парке Боровое есть поляна, где деревья имеют интересную форму. Существует много легенд о том, как появилась роща. Одна рассказывает о том, что когда-то в этих местах проходили праздники, которые устраивал народ. Однажды

правителю захотелось посмотреть, как проводят праздники люди. Он переоделся в обычный наряд и пришёл на гулянье. И увидел, что на поляне танцуют девушки. Он был удивлён их красотой, что аж крикнул об этом. Танцовщицы узнали правителя и испугались. Застыли и превратились в берёзы, у которых ствол имеет необычную форму.

*Запись произведена 14 октября 2023 года в городе Петропавловске посредством личного общения Тристан Яной Александровной, студенткой специальности «Русский язык и литература» (РЛ-22-2) Северо-Казахстанского университета им. М. Козыбаева. Информант - Тристан Александр Петрович, 1971 года рождения, образование среднее специальное (техническое).

Оба сюжета включают рудиментарный любовный мотив преследования красавиц мужчиной и превращения испуганных девушек в деревья. Ассоциируется античный миф об Аполлоне и Дафне, спасшейся от любвеобильного бога превращением в лавр. Для казахстанской сказочной прозы характерен мотив спасения группы девушек от преследования мужчины трансформацией в природный или космический объект. В сюжетах о берёзовой роще любовный мотив дополняется социальным – восхищённого хана и скромных красавиц. В космогоническом предании о Большой Медведице статус мужчины не указывается, усиливая этическую составляющую [2; 202].

Первая группа преданий с рудиментарным мотивом отношений мужчин и женщин объясняет историю монастыря, происхождение комонима, появление необычной рощи. Мотив любви остаётся на периферии и играет вспомогательную роль.

Вторая группа включает 4 предания с сюжетообразующим развёрнутым мотивом любви. Первые два предания объясняют происхождение озёр Северо-Казахстанской области - Акжан и Минкесер. Социальный конфликт семьи богатой девушки и бедного возлюбленного организует сюжет, связанный с появлением водоёма и происхождением лимнонима. Предания заканчиваются смертью девушки или юноши. Следовательно, сохраняются отголоски мифологического сознания, когда водоём приносит кочевнику радость и обеспечивает выживание, а большая вода может унести жизнь, подчёркивает С.А. Қасқабасов [4; 49]. Амбивалентная оценка водоёмов как топосов жизни и смерти, чужого пространства, соответствует казахской космогонии. По наблюдению учёного, первозданный Хаос – мир, залитый водой. Он подчёркивает, что у слов «небо» (тәңір) и «вода» (теңіз) один корень – «тән» («синий»). Значит, мифологическое сознание воспринимает небо как верхнюю воду, а земные водоёмы – как нижнюю воду. Небо представляется как вода, а земная вода, отражающая небесную синеву, как второе небо [4; 258-259]. Озёрные предания региона, как видим, вписываются в космогоническую мифологию жизни и смерти, сохраняя указание на реальное пространство.

Предание об озере Акжан*

Некогда в нашей деревне жила девушка. Её семья была обеспеченна. Но ей довелось влюбиться в парня из простой, небогатой семьи, её отец был против их союза, не разрешал им видаться. Тогда из-за безысходности и отчаяния она прыгнула с обрыва. На месте её падения образовалось озеро, которое в честь девушки назвали Акжан, что в переводе означает «белая душа».

*Запись произведена 21 октября 2023 года в селе Акжан Тимирязевского района Северо-Казахстанской области посредством живого общения Грабовской Валерией Вадимовной, студенткой специальности «Русский язык и литература» (РЛ-22-1) Северо-Казахстанского университета имени Манаша Козыбаева. Информант – Бабич Любовь Андреевна, русская, 38 лет, образование высшее, психолог.

Предание имеет комплексную ландшафто-топонимическую природу, его сюжет объясняет и возникновение озера, и появление лимнонима.

Предание об озере Минкесер (каз. Меңкесер), расположенном рядом с одноименным селом в Мамлютском районе Северо-Казахстанской области, – собственно

ландшафтологическое. Его популярность в фольклорном поле региона подтверждается наличием более развёрнутого варианта с народной этимологией лимнонима, более детальной разработанностью сюжета, описанием лечебных свойств воды, примет и превращений героев [3; 68].

Ландшафтологическое предание об озере Минкесер*

В давние времена один батыр влюбился в девушку из богатой семьи. Брак был невозможен. Но они любили друг друга. Вскоре об их тайных встречах стало известно. За позор семьи воин расплатился жизнью, его убили братья девушки. После смерти он превратился в родник, возле которого горько плакала его любимая. От её слёз озеро рядом с родником стало солёным. Сама девушка превратилась в чёрную птицу. По примете, если по пути к озеру вы встретили чёрную птицу, лучше развернуться обратно.

*Запись произведена в 2016 году на уроке Черешко Еленой Алексеевной, студенткой специальности «Русский язык и литература» (РЛ-22-2) Северо-Казахстанского университета им. М. Козыбаева. Информант - Косанова Г.Б., учитель казахского языка.

Информант интерпретирует сюжет как легенду, но не учитывает отсутствия типологического принципа - установки на христианское или мусульманское чудо.

Следующее предание имеет топонимический компонент, объясняющий происхождение оронимов Шешенкара и Ботакара в Карагандинской области. Гора в казахской мифологии соотносится с мировой горой как маркером центра мира [8; 252]. Сакральная природа возвышенностей подтверждается сюжетом предания.

Легенда о Цецен-кыз*

В местности Ботакара Бухар-Жырауского района сохранилась легенда о Цецен-кыз, восходящая к середине XVII века, периоду казахско-калмыцких войн. Однажды казахский батыр по имени Нарбота схватился с калмыцким джигитом. Оба противника не уступали друг другу в силе и ловкости. Но когда после долгой схватки сломались коня, пали от усталости лошади под всадниками, с головы калмыцкого джигита слетела шапка. По плечам воина рассыпались длинные красивые волосы. Нарбота узнал в своём противнике калмыцкую девушку Цецен, которую давно любил. Он растерялся, и тогда караульный калмык, приревновав Цецен к казахскому джигиту, пустил в него стрелу и убил батыра. Цецен тоже любила Нарботу, поэтому вонзила в себя кинжал. В честь них были названы две горы в тех местах: гора Ботакара (Бота (верблюжонок) + кара (вершина) от антропонима Нарбота, в котором соединяются корни нар (одногогорбый верблюд, символ силы) + бота (верблюжонок); то есть Нарбота означает «сильный, как сын верблюда»); и гора Шешенкара (от Цецен; поскольку в казахском языке нет звука [ц], он заменяется звуком [ш], что отражается в графической передаче наименования: Шешен + кара (вершина).

*Запись произведена 27 октября 2023 года в городе Петропавловске Нугмановой Алиной Дулатовной, студенткой специальности «Русский язык и литература» (РЛ-22-1) Северо-Казахстанского университета им. М. Козыбаева. Информант – Мухан Гулраушан Жазылбекқызы, 2004 года рождения, 19 лет, студентка специальности «Иностранный язык» (ИЯ-22-1к) СҚУ им. М. Козыбаева. Национальность – казашка. Проживает в районе Тулкибас Южно-Казахстанской области. Предание записано при личной встрече в общежитии №1 СҚУ им. М. Козыбаева.

Информант выражает готовность перевести памятные оронимы на понятный, с точки зрения собирателя, язык. История о Цецен-кыз выступает символом мира и любви вопреки трагическому финалу. Информант занимает позицию интерпретатора традиционного сюжета, пытаясь активно повлиять на воображение исследователя, стремится удержать внимание и сделать текст более запоминающимся. Для этого используются иллюстрации. Как видим, информант и собиратель активно включаются в

процесс сохранения и передачи устной народной хроники и системы ценностей. Интересен лингвистический анализ оронимов, проведённый информантом. И снова народная этимология жанра вступает в конфликт с типологией сказочной прозы. Перед нами предание, не имеющее установки на религиозное чудо. Сюжет включает традиционные мотивы богатырского поединка и неузнанного соперника (сына, друга, побратима, любимой девушки-воина), присущие мировому героическому эпосу всех народов и отражённые в литературе от Фирдоуси до М.А. Шолохова.

Топонимическое предание о реке Миасс тоже имеет мифологические параллели, ибо река в мировой традиции - граница между «своим» и «чужим» пространством, «этим» и «тем» светом, символ утекающего времени. В народной песенной культуре берега реки символизируют разлуку, а сюжет о гибели влюблённых, которые стремятся пересечь реку и обрести друг друга, имманентен мифам народов мира.

Топонимическое предание о реке Миасс

Сказывают люди, давно это было, когда во времена те дальние грамотой люди не владели, математику не знали. В местах не столь отдалённых, посреди долины, река текла. В её водах спокойных много рыбы водилось. А по берегам трава сочная росла, хорошие пастбища для скота были. Много птицы, зверья в тех лесах вдоль реки водилось. Раз пришли сюда люди. Племя, знать, кочевое, башкирское. Глянул атаман окрест, видит, места богатые, красивые, зверья, птицы вдоволь. Долго жить можно. И порешили люди остаться на этом берегу реки. А как реку-то звать величать – никто не сказывал, да и не надо это им было. И была дочь у атамана по имени Ассия. Уж очень любил её отец. Души в ней не чаял. Сироткой без матери росла. Лицом-то девочка вся в мать вышла. Вот и жалел её отец, сильно баловал. Шли годы. Росла Ассия. А как шестнадцатый год минул, превратилась она в красавицу статную с косой длинной русой. Нравом кроткая да послушная была.

Много женихов ей нашлось. Один перед другим хорохорились, всяк норовил понравиться дочке атамана. Да вот только сам атаман Батый не спешил с дочкой расставаться. Уж больно сердцем прирос к ней. А к тому времени на другом берегу люди появились. Тоже долго кочевали. А как в место это богатое попали, так и остаться порешили. Живут себе тихо. Никому не мешают. Зверя, птицу, рыбу ловят, скот пасут. Только не по нраву прилились соседи Батыю. Не захотел их сам признавать и другим не велел. А тут, как на грех, у людей прилих парень выискался. Ладный, красивый да на дело скорый. Мием звали. Видит Ассия: то рыбу ловит, то зверя тащит, то сеть плетёт, то стадо поит, да всё песню какую-то хорошую поёт. Так, негромко, но за душу трогает. Не знал, видно, Мий, что девицу песня его заворожила. Долго ли коротко ли, да заприметил парень, что девица красная к камню широкому часто ходит. А в месте том река-то узенькая делается. Не то чтоб совсем в ручеёк течёт, а так, пошире будет. И видать друг другу хорошо, и песни ладно петь, и разговоры полюбовные вести.

Пришла весна, любовь им на беду принесла. Маётся Мий, хочет Ассию замуж взять. Маётся Ассия, сердечная, не знает, как отцу сказать о друге милом, как к нему приступить. А Батый и сам почуял, что дочь-то не с ним душой. Дрогнуло сердце его, как прознал он, к кому дочерино сердце приросло.

– Не бывает этому! – Порешил он. – Раз уж замуж хочет, так и отдам её за своего парня.

Уж шибко не понравились ему люди с другого берега. Жадный был, хотел, чтоб всё вокруг ему и его людям принадлежало. С тем и к дочери вышел, когда та за дружка

милого просить пришла. Раз ногами затопал, кричать стал, людей созывать, дочь стыдить за любовь её чистую. Стали люди сбегаться и на том берегу. По воде-то, слышь ты, хорошо да далёко слышно. Мечется Мий на том берегу, хочет голубке своей пособить. Бежит Ассия по берегу от отца, долой с глаз людских, от стыда горит. Закипело сердце Батыя. Как же! Ведь его, отца родного, ослушалась, за проходимца с берега просить пришла, а парней с берега этого всех отклонила. Глядят люди: добежала девушка до берега другого, к реке лицом повернулась, руки к милому протянула.

– Мий! – Кричит. А парень тоже к этому месту подбежал, где крутизна начинается, встал лицом к девушке и зовёт:

– Ассия!

А людям слышится.

– Ася! Ася!

Видать, слишком близко к краешку стала девушка, а может, наклонилась сильно к воде, может, разум от горя помутился, только с криком:

– Мий! – рухнула Ассия в воду с обрыва.

– Асси! – Выдохнул парень на другом берегу и кинулся за ней в воду.

То ли камни какие подводные были в том месте, то ли судьба их такая была, только не видали их люди больше.

Долго стояли они на том и на другом берегу и кричали:

– Мий! – Неслось с одного берега.

– Ассия, – вторили с другого.

Так и пошло с тех пор название той реки безымянной.

– Миас-сия.

А со временем реку ту Миасс стали звать.

Вот так-то.

*Запись произведена 25 октября 2023 года в городе Петропавловске с помощью видеозвонка Скорик Анной Андреевной, студенткой специальности «Русский язык и литература» (РЛ-22-2) СКУ им. М. Козыбаева. Информант - Стужина Ольга Андреевна, 48 лет, домохозяйка.

Информант определяет жанр как сказ, но сказы-фабулаты связаны с недавним прошлым. На сказовую традицию указывает стиль повествования, имитация разговорной речи, однако функция текста – передать информацию о происхождении потамонима Миасс. В сюжете используется анахронизм: имя жестокого и эгоистичного предводителя, отца Ассии, – Батый. В сознании переживших монгольское нашествие народов имя Батыя имеет устойчивую негативную оценку. Мы полагаем, что это становится причиной народного именованья безжалостного отца.

Заключение

Итак, исследование функций любовного мотива в сюжетной организации проведено на материале 8 преданий, записанных в 2022-2023 годах. Исполнители и собиратели устной прозы – представители разных этносов. Фольклористы-собиратели примерно одной возрастной группы, исполнители – разного возраста и социального статуса. Славяне и тюрки сегодня осёдло живут рядом, имеют схожий хозяйственный уклад. Современное население в основном характеризуется билингвальностью, поэтому можно сделать вывод об интеграции межэтнической коммуникации в устной прозе [1; 51]. Семь из восьми сюжетов связаны с казахской историей, топосом и культурой, но воспринимаются собирателями и рассказчиками как свои.

Из восьми представленных преданий одно – собственно историческое, одно – ландшафтологическое об озере Минкесер, два предания – ландшафто-флористические с

топонимическим компонентом о роще танцующих берёз, одно – ландшафто-топонимическое об озере Акжан, одно – историко-топонимическое о названиях гор Шешенкара и Ботакара («Легенда о Цецен-кыз») с историческим контекстом казахско-калмыцких войн. Два предания – собственно топонимические, о возникновении комонима и потамонима.

Из 8-ми преданий половина топосно связана с объектами Северо-Казахстанской области, половина – с иными регионами: Бухар-Жырау Карагандинской области (1), природный парк Боровое Кокшетауской области (2), Россия - Башкортостан, Челябинская и Курганская области (1). Следовательно, региональный фольклор обогащается общеказахстанскими сюжетами и усваивает общеславянскую традицию благодаря развитию цифровых технологий, семейным, дружеским связям, обучению студентов из иных областей страны в Северо-Казахстанском университете имени Манаша Козыбаева, многонациональному составу единого народа Казахстана.

По характеру явленности и полноте раскрытия любовного мотива мы выделяем две группы преданий по четыре текста в каждой. В преданиях о монастыре, берёзах и селе Чаглы (первая группа) мотив любви рудиментарен, остаётся на периферии сюжета. Он не разрабатывается, а подразумевается, объясняя физические потребности монахинь, испуг танцующих девушек, узнавших хана, иллюстрируя мудрость старца, давшего жениху ценный совет, причём сам совет не раскрывается.

Вторая группа преданий об озёрах Минкесер и Акжан, горах и реке базируется на развёрнутом мотиве любви. Его сюжетобразующая роль подчёркивается социальным (богатая девушка и бедный влюблённый) или историко-политическим конфликтом (казахско-калмыцкие войны, нежелание выдавать дочь замуж за чужака). Сражающиеся друг с другом неузнанные влюблённые, убийство неугодного родителям претендента и самоубийство девушки, гибель молодой пары с разных берегов реки объясняют происхождение и/или название природного объекта.

Мотивация ландшафтологического и топонимического сюжета любовной драмой акцентирует связь с традициями мифологического сознания, придаёт сюжетам особое звучание, раскрывает народное сочувствие несчастным парам и осуждает жестоких богачей-родителей или межплеменные войны. Связь происхождения природных объектов и их названий с именами верных своей любви молодых людей обуславливает местный колорит преданий и способствует их активному бытованию.

Литература:

1. Цветкова А.Д. Межэтнические взаимодействия в устной несказочной прозе Казахстана // IV Всероссийский конгресс фольклористов. - Том третий. Традиционная культура в условиях межэтнических контактов. – 2020. – С. 43-52.
2. Леонтьева А.Ю., Какпанова А.У. Типологические разновидности казахстанских преданий в записях 2021 года // Вестник СҚУ им. М. Козыбаева. - №2 (62). – 2024. – С. 197-213.
3. Леонтьева А.Ю., Тетерина К.Н. Сакральные озёра в несказочной прозе Северо-Казахстанской области // Лучшая исследовательская работа 2023: сборник статей XI Международного научно-исследовательского конкурса. – Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение». – 2023. – С. 66-70.
4. Қаскабасов С.А. Тандамалы. Т. 3. Фольклорная проза казахов. Избранные исследования. – Астана: Фолиант, 2014. – 424 с.
5. Аристов Н.А. Опыт выяснения этнического состава киргиз-казаков Большой Орды и каракиргизов // Живая старина. – СПб., 1896. – С. 392-486.
6. Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений: в 5 т. – А.-А., 1961. – Т.1 – 432 с.
7. Алпысбес М.А. Шежире казахов: источники и традиции. Учебник для вузовских и послевузовских спецкурсов. – Астана: ИП «BG-Print», 2013. – 240 с.

8. Наурзбаева А.Б., Шайгозова Ж.Н., Сайкенева Д.К., Галиев А.А., Ускенбай К.З. Языки казахской культуры. Коллективная монография. – Алматы: КазНИИК, 2023. – 422 с.

References:

1. Cvetkova A.D. Mezhetnicheskie vzaimodejstviya v ustnoj neskazochnoj proze Kazahstana // IV Vserossijskij kongress fol'kloristov. – Tom tretij. Tradicionnaya kul'tura v usloviyah mezhetnicheskikh kontaktov. – 2020. – S. 43-52.
2. Leont'eva A.Yu., Kakpanova A.U. Tipologicheskie raznovidnosti kazahstanskih predanij v zapisyah 2021 goda // Vestnik SKU im. M. Kozymbaeva. - №2 (62). – 2024. – S. 197-213.
3. Leont'eva A.Yu., Teterina K.N. Sakral'nye ozyora v neskazochnoj proze Severo-Kazahstanskoj oblasti // Luchshaya issledovatel'skaya rabota 2023: sbornik statej XI Mezhdunarodnogo nauchno-issledovatel'skogo konkursa. – Penza: MCNS «Nauka i Prosveshchenie». – 2023. – S. 66-70.
4. Қасқабасов С.А. Таңдамалы. Т. 3. Fol'klornaya proza kazahov. Izbrannye issledovaniya. – Astana: Foliant, 2014. – 424 s.
5. Aristov N.A. Opyt vyvasheniya etnicheskogo sostava kirgiz-kazakov Bol'shoj Ordy i karakirgizov // Zhivaya starina. – SPb., 1896. – S. 392-486.
6. Valihanov Ch.Ch. Sobranie sochinenij: v 5 t. – A.-A., 1961. – T.1 – 432 s.
7. Alpysbes M.A. Shezhire kazahov: istochniki i tradicii. Uchebnik dlya vuzovskih i poslevuzovskih speckursov. – Astana: IP «BG-Print», 2013. – 240 s.
8. Naurybaeva A.B., Shajgozova Zh.N., Sajkeneva D.K., Galiev A.A., Uskenbay K.Z. Yazyki kazahskoj kul'tury. Kollektivnaya monografiya. – Almaty: KazNIIC, 2023. – 422 s.

Information about the authors:

Leontyeva A.Yu. – corresponding author, senior lecturer, «Russian language and literature» chair, candidate of philological sciences, associate professor; orcid.org/0000-0003-3836-9914; e-mail: aleontieva13@mail.ru;

Agibayeva S.S. – senior lecturer, «Russian language and literature» chair, candidate of philological sciences, associate professor; orcid.org/0000-0001-5963-8736; e-mail: sabina_petropavl@mail.ru.